

Ироронимикон

Дмитрий Кузнецов

Кузнецов Дмитрий

Иророникон

«Автор»

2026

Дмитрий К.

Ироронмикон / К. Дмитрий — «Автор», 2026

Фундаментальные описания вселенной Инект, о всех точках начал, положивших в будущем Летописям Атриума и Апокрифам Анам-Кара. Первая книга о начале Фарадонской эры, и рождении небожителя Фобоса в смертном облиии.

Содержание

Глава 2. Откровение клинка	6
Глава 3. Замысел	8
Глава 4. Пятеро	10
Глава 5. Падение духа пустоты	13
Глава 6. Вечный Монолит	15
Глава 7. Тархаон	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кузнецов Дмитрий

Иророномикон

Глава 1. Два генезиса

Величайшими открытиями в начале второй эры среди людей Равахейма были два небесных гиганта, обнаруженных в глубинах мироздания Инэкт. Фарадонские технологии и магия были способны на великие открытия, едва ли сравнимые с временами третьей эры.

Иророномикон — волшебный том небесных знаний, с подробными древними записями о прошлых эпохах и небесных явлениях во всём обозримом сущем. Произведение стало заслугой многих древних династий, о которых уже и названий не вспоминают. Миори и Небесный путь — два народа, упорно занимавшиеся вопросом происхождения, — продолжали записи. Иророномикон создали древние маги, первые из первых. Люди, овладевшие настоящими чарами — без выдумки и с выдумкой тоже.

Спустя пару столетий от так называемого Судного дня, произошедшего примерно сто сорок тысяч лет назад. Целую вечность по меркам смертных.

Книга древних знаний имела безграничный запас страниц, она словно была создана и не людьми вовсе. Буквы могли придавать форму любого языка, когда разум читающего смотрит на страницы, — в редких случаях. А во всех остальных строки были на Вечнаречии, которое было доступно для понимания некоторым волшебникам. Особые места на страницах занимали два небесных нечто.

Великий горизонт событий — Агантюа. Время на периферии тёмной дыры не имело никакой власти. Если где-то и были сверкающие звёзды неподалёку, то со временем они высасывались досуха, а после и всё, что осталось, трескалось и погружалось в тёмную непостижимость. Все образованные люди своего времени, глядя на рассвет, знали, что это такое.

Второе чудо — Катарсис, колоссальная белоснежная звезда. Великий свет был настолько ослепителен, что его источник едва ли возможно было понять. Поблизости от Катарсиса жар испепелял даже другие звёзды. Его было видно лучше всего на закате.

В сравнении с обоими космо-гигантами Равахейм был лишь крохотным зёрнышком. Два генезиса, парящие в центре мироздания, были обоими хранителями как мира людей, так и вселенной в целом. Величайшей из загадок, над которой бились лучшие умы всех времён: соприкасались ли два бога неба когда-нибудь? Ибо если да, то это и было бы ответом на извечный вопрос о рождении сущего, — или же, наоборот, возможно, они были единым целым.

В ту пору между обоими генезисами пробудились четверо небожителей, словно спящие реликты: **Харон, Данте, Юнона и Фобос.** Четыре эфирных, разумных сущности были настоящими; их присутствие древние маги ощущали, и об их приходе было сказано в Иророномиконе — поверхностно, но тем не менее. Небожители не требовали поклонения и не вмешивались в дела людей долгое время, лишь наблюдая.

Глава 2. Откровение клинка

О том, как появились первые люди и сама планета, не ведал ни Эларсель, ни даже Ироронмикон. Но пока Ятма, сын Фобоса, им владел, клинок поведал своему держателю откровение о пробуждении и невежестве.

«Всего нас было четверо... Мы парили в пустоте, не понимая, кто мы... Четыре бесформенных конструктора, которые вместе образовывали квадрат. Каждый из четверых смотрел на остальных троих, пытаясь осознать смысл, разгадать этот странный кошмар... Мы бы парили в ничто целую вечность, размышляя, если бы не тот, кем я был... Люди дали нам имена, у нас никогда их не было, ни лиц, ни форм, — всё это стало возможно лишь потом... Но когда мы стали быть, Фобос увидел свет, на который мы устремились как мотыльки. И он опалил нас. Первое чувство после интереса — стала боль. И мы погрузились в уныние, отдалившись от великолепия красоты. И тогда другой... Данте. Он почувствовал притягательную любовь в ином месте, и тогда мы вновь поддались интересу. Тёмная колыбель, которая медленно отдалялась от великолепия света, манила нас в себя, но Юнона удержала троих от искушения, ибо та колыбель исполнена любви, настолько великой, что мы не покинем её объятия. Не по своей воле, не вопреки ей. И тогда мудрость всех сотворила первые четыре формулы, которые стали основой новорождённого бытия: красота, желание, знание и сотворение. Данте всегда следовал строгой последовательности. Что являлось губительным для многих произведений в будущем. Даже если она была неприменима в парадоксальных шедеврах, в которых правят совсем иные формулы, и в совсем другом порядке, — Фобос понял это первым. Осознал сразу после принятия жестокости вселенной, сжигающей красоты, и притяжения невозврата. Противоположности породили четверых — на мнение Фобоса, вероятность этого крайне высока, — и чтобы помочь четверым в решении загадки.

В ту древнюю пору Фобос задумался о том, что за энергия от него исходит, — фиолетовые раскаты. Применяв свои первые ощущения, он смог рассечь реальность, словно открыв иной слой, брешь в измерение хаоса. Тогда-то Фобос и понял своё предназначение и своё место: иная, непонятная и великолепная реальность, где нет абсолютно тёмных небес и белых. Аква-мариновое, фиолетовое и тёмно-белое полотно, разрастающееся в безграничность, симфония невероятных красок и материала сотворения для реальных вещей — как в самом пространстве Хаоса, так и в реальности Инэкта. Фобос стал пилигримом меж двумя вселенными.

Харон взял Равахейм под свою опеку, дабы новорождённые умы не распадались и не утратили рост. Харон скрепил себя с миром смертных, став владыкой душ. Второй, кто нашёл своё место и цель бытия, став кем-то вроде первого садовника.

Дух пустоты Данте не знал, чего хочет, но ощущал влечение к Агантию, ушёл к колыбели вечности, признав её матерью. Безмолвно и неподвижно парил на её периферии в абсолютном покое, не ощущая течения времени. Он не желал уходить в поиски смыслов — это и был смысл, который Данте признал. Даже желал пойти в глубины Агантию, куда бы они ни вели, но всё же он познал любовь и к собратьям, и лишь наблюдал за колыбелью тьмы, находя в этом покой.

Юнона парила возле великой белой звезды. Со временем звёздная дева впитала достаточно света, чтобы не истлеть при приближении и иметь возможность прикоснуться к Утопии. И когда это произошло, небожительница обрела дар голоса. Единожды ощутив любовь Агантию, но находясь возле Катарсиса, звёздная сущность девы начала петь, и лучи белоснежного света тянулись к небожительнице как к любимой дочери и матери в едином лице. Божественная песнь белой звезды ещё со времён предтеч была отображена на Миорийском наречии в летописи Ироронмикон. Юноне поклонялись несколько десятков тысяч лет как воплощению звёздной добродетели — существо света, даровавшее людям самое важное: любовь. Но исполнить великую песнь было дано лишь некоторым смертным девам. Песнь была записана не в

словах, а в тональных волнах, которые подходили под их чуткий слух и голос. А те самые Фарадонские звуковые символы отображались на пергаментях.

Фобос изучал материю сотворения в реальности хаоса. Чем бы оно ни было, но один из четверых предполагал, что хаос связан с обоими великими нечто в той или иной мере. Четверо рано или поздно вновь сходились вместе, как единая семья. Харон стал неотделим от Равахейма, точкой пересечения четверых стал мир людей — со всеми будущими событиями, вплоть до идеи Фобоса родиться смертным и познать маленькое бытие.

Глава 3. Замысел

Замысел немислимого познания изначально был хрупок, и Фобос это понимал. Смертные обладают частицей хаоса, а значит порой совершают нелогичные поступки.

Помимо четверых были и другие сущности на просторах неба. Одни из таких назывались Анам-Кара, обитающие непосредственно рядом со смертными, дабы записывать важнейшие открытия людей в Апокрифы. Неразрушимые книги, которые являлись в мир людей чистыми. Они были признаны четверыми как чужие, но полезные, не угрожающие никому. Апокрифы создавались ими же, из силы хаоса, но пропитанные вечностью Агантиа. Фобос и Данте, наблюдая за их деятельностью, пришли к мнению, что Анам-Кара хотят обеспечить сохранность людских знаний.

А когда четверым стало известно об Ироронмиконе, то они не поверили, что люди знают об их присутствии. Было очевидно, что Анам-Кара отдают апокрифы в руки людей, наделяют их умом и знаниями. И тогда четверых озарила новая вспышка интереса, и тут выяснилось, что люди не так глупы и примитивны, какими казались изначально.

Однако Харон разглядел угрозу в этом произведении. Он предложил уничтожить это странное творение, но Фобос тогда возразил. Мастер хаоса уже тогда был убеждён, что люди смогут помочь четверым выяснить тайну собственного происхождения. Юнона и Данте держались при тех опасениях, воспринимая Ироронмикон как очередной этап прогресса в мире людей. Харон не разделял позицию остальных, видя, как сильные мира сего пытаются возвыситься за счёт слабых, видел, как нарушается хрупкое равновесие.

И всё же, к изумлению владыки душ, Мастер над хаосом позднее разделил его опасения. Фобос тоже видел нарастающее неравенство, которое губительно для всей человеческой цивилизации. И именно тогда, на закате первой эры, у него родилась идея стать смертным человеком, узнать, каково быть ими, и что ими движет на самом деле. Никто из остальных не ведал о его замысле, ибо он понимал, что его попытаются остановить. Идея с каждым циклом лишь набирала мощь, пока однажды Фобос не предложил Юноне сотворить величайшее из произведений неба — созвездие Небесный пилигрим.

Данте однажды прервал свою гармонию и задумался о том, что находится там, где нет никакого света, и отправился за пределы творения. Нет, дух пустоты отправился не в глубины Агантиа, он отправился сквозь небо Инэкта, пока не достигнет горизонта всего. Едва тот переступил границу пространства и времени, шагнув в абсолютную темноту и тишину, как узрел нечто, ужаснувшее его. Пустота Ничто не такая пустая: там обитают полчища непонятных тварей, которые пожирают друг друга, а после плодятся и снова пожирают друг друга. А когда те узрели небожителя, от которого парило вечностью, притягательной любовью, то немедленно кинулись на него, желая разорвать и поглотить. Данте рассекал тварей своим произведением, называемым Вечный Горн, — оружие, сотканное из частицы Агантиа. Твари пустоты не прекращали своё существование: куски их сущностей переплетались в нечто сверхновое, громадное и кошмарное. И лишь явление Юноны спасло его от поглощения. Песнь, которую Юнона принесла с собой, озарила пустоту светом Катарсиса, а бесчисленные твари отступили в глубины Ничто. Всё, находящееся за известным творением, — непостижимость, отныне называлась границей отчуждения. Данте погрузился в уныние на несколько циклов. Юнона пыталась утешить своего брата.

«Я желаю забыть, и не знать этого. Это же воплощение каннибализма. И когда я смотрю на людей, то понимаю схожесть повадок... Почему нас четверо? Почему мы не сожрали друг друга? В нас нет этой жажды...»

«Дети не похожи на своих родителей. Не ходи туда. Они не идут к нам, а мы к ним.»

«Фобосу такое было бы куда интереснее, чем мне.»

И спустя мгновение, или бесконечность... Фобос исполнил его желание. Повелитель хаоса извлёк знание о Ничто из брата, но не полностью. Фобос тоже не смог избавиться от капли Ничто: оно прицеплялось как вирус среди людей. Запретное знание стало частью обоих. Фобос неспроста назвался Мастером хаоса — лишь он мог уместить в себе любое знание и не поддаться его влиянию против своей воли. Фобос начал изучать немыслимое видение, словно пытаясь понять.

«Это же невообразимо, этому нужно дать название. Тёмная материя, не иначе. Это не существа, это энергия пустоты, которая не имеет разума. Или... Имеет? Может, это единственный её способ познания — поглощение; энергия поглощает сама себя. Бесконечный цикл самопознания, но... Нет. Не бесконечный, должна быть точка роста. Это не длится вечно, судя по всему. Однажды появляется Альфа-особь, назовём так. Особый сгусток энергии, который невозможно познать, и тогда оно начинает великое познание, а когда насытится, то происходит нечто. Данте и Юнона запустили этот процесс сами. Если я прав, то скоро что-то произойдёт. Думаю, никто из троих не удивился бы, если бы это открытие сделал я, но Данте... А ты... Как там это у людей называется... Шалун. И Юнона туда полезла, вынимать тебя из недостижимости. Пустота и Свет вмешались в естественный процесс роста вселенной... Глядя на ту громадную тварь, которая сплеталась из кусков материи, становится не по себе. Надеюсь, мы не будем познаны. На крайний случай измерение хаоса станет убежищем, моя мастерская, мой дом, моя крепость. Но как же остальные? Энтропия не распылила меня и признала, но насчёт них я не уверен. Я видел, как происходит распад всего и вся, даже время там искажается, как металл в горниле кузницы. Они могут не выжить при пересечении энтропии, если оно их отвергнет, они станут материалом сотворения, чего бы мне не хотелось. Я успел полюбить их всех, и я не желаю им небытия. Нас четверо, и мы прекрасны такие, какими нас создало самопознание...»

И спустя пару смертных веков, или же мгновение на периферии Агантюа, случилась вспышка сверхновой. Данте и Юнона заметили это первыми, почувствовали всплеск своих начал. Все внезапно получили новую точку интереса, устремились на новое знание.

Глава 4. Пятеро

В ту пору из глубин мироздания явилась сверхновая. Данте и Юнона заметили её первыми — почувствовали всплеск своих начал. Все внезапно получили новую точку интереса и устремились к новому знанию.

Смертные глаза первой эры не могли видеть это событие, но четверо творцов не просто видели — они почувствовали знакомый импульс жизни, пронёсшийся волной через мироздание. Область пустоты за той чертой больше не была пустотой. В центре новых просторов парил кристалл, источающий странный свет, словно свет, обёрнутый во тьму. И то место не было пустынным пространством: там были твари, похожие на тех, с которыми бился Данте. Они медленно парили вокруг кристалла, не подавая признаков голода и агрессии.

Юнона: Мы создали.

Данте: Ненамеренно.

Фобос: Эти существа отличаются от тех, что были раньше.

Данте: Это ошибка.

Фобос: Что?

Данте: Пока не поздно, вернём естественный ход познания.

Фобос: Ты их отец. Разве не видишь? Они творения вас обоих. Они пытаются понять себя. Так же как и мы когда-то — никто не отбирал у нас это право. По какому праву ты желаешь сделать это?

Данте: По какому? По какому праву ты хочешь дать его им? Посмотри на них: это монстры, которые сожрут звёзды, когда обретут разум. Они не похожи на нас.

Фобос: На кого мы были похожи? Явись к людям сейчас ты или я — они бы признали нас чудовищами.

Данте: Если желаешь пустить это на самотёк, то знай: это угроза всему и всем.

Фобос: Знаю. Знания — это благо, и это даст новое понимание. Ты просил помощи, избавить тебя от капли Ничто, и я помог. Оно почти бесполезно, понять его невозможно, лишь в теории. Но вот это... это совсем другое.

Все же посланник вечности уступил идее Фобоса о многообразии. Сам Фобос стал много времени проводить на периферии творения: в том месте у кристалла не было видно звёзд, кроме одной — далёкий свет Катарсиса был маяком.

«Он хотел уничтожить это великолепие. Воистину порой творец недостоин своего произведения. Вне всяких сомнений, свет белой звезды и колыбели повлияли на рост. Раньше оно бурлило энергией, а теперь всё иначе: теперь в океане тёмной материи кристаллизован остров сознания. Разум новых существ примитивен, но он есть, бесспорно. Они чувствуют этот кристалл так же, как мы отреагировали на свет Катарсиса, а после и на Агантюа. Однако они парят вокруг обоих сил одновременно. Мы получили опыт боли, которая подтолкнула к развитию. Они не могут творить, как мы, на данном этапе эволюции. Что, если они застрянут в этом цикле навечно? Стагнация... благо ли это? Вечная гармония или боль роста? Хм, интересно. Надо дать им шанс осознать.»

Фобос не ведал, как текло время, да и было ли оно вообще вдали от творения четверых. Он позабыл о делах людей, всецело и увлечённо занимаясь изучением внезапного произведения, которое немного расширило границы сущего. Сущность хаотического небожителя была сопоставима с Равахеймом, как и любого иного из четверых. Существа, медленно парящие вокруг кристалла, были в три раза массивнее любого из четверых. Всего была дюжина существ пустоты, и один из них выделялся на фоне прочих. Крылатое существо — дракон пустоты. Со временем он начал трескаться, хоть и продолжал парить вокруг кристалла, а вибрации, которые тот издавал, сигнализировали об агонии: он умирал по непонятным небожителю причинам.

«Нет... Как же так? Почему ты? Что тебя терзает? Этот кристалл? Или ты хочешь есть, но не можешь? Дай мне знак, как помочь тебе. Ты прекрасен, и я хочу, чтобы ты жил. Позволь помочь. Он разрушается, бесспорно. Всему виной его размеры и этот кристалл. Он задыхается в этом месте: здесь он родился, но теперь оно душит его. Есть лишь один способ. Брешь к энтропии: если он её преодолеет и достигнет сердца хаоса, то выживет, а если нет... Это ужасно. Но если ничего не делать — ему точно конец.»

Фобос решился на опасный эксперимент. Он открыл врата к чистой энтропии прямо перед драконом, а когда тот погрузился в фиолетовые раскаты хаоса, Фобос отправился следом и закрыл за собой брешь. Разрыв пространства и отчуждение от кристалла вызывали агонию у дракона пустоты. Фобос оседлал его и старался сделать всё, чтобы предотвратить распад. По итогу дракон преодолел энтропию и достиг сердца хаоса, которое было похоже на пурпурную туманность с тусклыми звёздами внешнего мироздания. Дракон преобразился: трещины, ранее образовавшиеся на его поверхности, стали реками энергии энтропии, а сам дракон издавал протяжный и мирный клич, подобный китам, плывущим под водой. Фобос восхвалил своё детище.

«Тархаон... Моё любимое дитя. Ты — целый мир. Моё детище, никто не заберёт тебя. Теперь мой дом — твой дом. Безграничное развитие или вечный покой.»

Размер дракона пустоты после слияния с измерением энтропии увеличился по меньшей мере в пять раз. Это уже без преувеличения был целый мир, парящий на крыльях по просторам хаотических туманностей. Некоторые знания ускользнули от Фобоса. Хозяин хаоса выяснил, что дракон содержит костную и органическую системы. Каким был дракон пустоты до слияния? Имел ли он строение смертного существа до или после слияния с энтропией? Об этом повелитель хаоса почти не думал: его заботило лишь выживание существа.

Фобос вернулся спустя несколько циклов к кристаллу пустоты и обнаружил новую точку интереса. Все существа перестали парить вокруг кристалла: они трескались и разрушались. Фобос, наблюдая за их деградацией и саморазрушением, думал, что в том далёком месте останется лишь кристалл, но... Как оказалось, не все существа раскололись на осколки мёртвой материи: некоторые освободились от внешних оболочек, подобно тому как птенцы вылупляются из яйца. А то, что было внутри, заставило творца хаоса устраситься. Сущности, похожие на Данте, — один в один, только объятые светом внешней оболочки. Сущности, похожие на Данте и Юнону одновременно; они вылупились из грубых форм монстров — пятеро.

Пятеро сущностей пустоты, в оболочке света, во всём были схожи с Агантиа и со светом, который их окружал. Приближаться к ним Фобос не рискнул, но продолжал заворожённо наблюдать за сверхновыми сущностями — небожителями пустоты. Пятеро окружили кристалл и в абсолютном неподвижном покое парили, глядя в его глубины.

«Нас было четверо, когда мы явились. Мы пытались разгадать загадку из трёх элементов, которую видели перед собой. Но они... они всё равно смотрят в кристалл. Не кружат вокруг него, а просто смотрят. Они думают, бесспорно. И всё же я был прав: теперь они похожи на нас. Данте должен видеть это.»

Данте: Немыслимо... Они во всём походят на нас. Фобос: Ты хотел их уничтожить. Данте: Что они делают? Они созерцают кристалл? Фобос: Я надеялся, ты скажешь. Я к ним не приближусь: это же пять небольших Агантиа и белой звезды вместе.

Посланник вечности осторожно и неторопливо приближался к пятерым и кристаллу, начиная вслушиваться в резонанс света и тьмы. Это была словно симфония песни, подобная той, что пела Юнона.

Данте: Оно разговаривает, и они тоже. Словно тихий хор Юноны и глубин Агантиа вместе... Этот кристалл обладает разумом, но я не понимаю его. Это будто и не слова вовсе. Фобос: Думаю, их нужно оставить в покое. И больше не вмешиваться. Они походят на вас, но они не вы. Посмотри на них: они точные копии друг друга, мы же были наделены уникальностью.

Этот кристалл учит их мыслить. Не все из них выжили, больше половины рассыпалось. Ты удивишься, но чудовища, которых ты хотел уничтожить, были лишь сосудами, по большей части пустыми, а эти пятеро — как птенцы.

Глава 5. Падение духа пустоты

С того момента Данте начал меняться. Хоть он и передал знание о Ничто в праздный ум Фобоса, вскоре знание вернулось в его разум. А вместе с запретным и непостижимым знанием пришёл голод. Небожитель стал постигать одержимость космическим поглощением.

— Как выйти из тьмы... НЕ УТРАТИВ ПРИ ЭТОМ СЕБЯ!!!

Его безумная жажда поглощения раскатилась эхом по Инэкту, и это слышали остальные небожители. Жажда становилась настолько велика, что Данте разрушил несколько творений Юноны. Ближайшие к созвездию Эпсилан звёзды различных оттенков, которые были признаны наиболее аппетитными, Данте поглотил их свет, после чего разрушил и поглотил всё остальное.

И в тот момент, ночью в Миорийской цитадели магов Атэ, двое волшебников наблюдали за небом, но уже собирались идти спать, как вдруг звезда погасла на небе. Один поднял бровь, протёр глаза ещё раз, затем снова — и понял.

Тобейн: Буди архимага. Зови сюда, скорее!

Хаберан: Что это?

Тобейн? Тобейн: Одиннадцатая и седьмая «Малого яблока» угасли... Быстрее! Пресвятые духи...

Данте стремительно разрастался в уродливую и кошмарную форму, превращался в пожирателя неба и приблизился к созвездию Небесный пилигрим. Пожиратель звёзд видел свет белой звезды, манящий Катарсис. Чудовище парило к великой красоте. Юнона никогда не ведала, что такое страх и отвращение, как люди. На всё смотрела либо беспристрастно, либо с любовью. Но это... Данте был воплощением ужаса, разрастающимся всё сильнее.

Харону пришлось бросить царство людей на время и откликнуться на призыв остальных двух о помощи. Небожители увидели немыслимое чудовище, парящий кошмар с мириадами лап, голов, челюстей, из которых исходили другие лапы, а из них новые головы, — воплощение бесконечного голода. Лишь Фобос узнал его, ибо благодаря Данте хозяин хаоса обладал крупницей запретного знания. Фобос уверил, что это и есть Данте.

Харон приложил всю свою мощь и сковал чудовище цепями. Но пожиратель разрастался дальше, цепи тонули в его массе. Фобос открыл брешь к хаосу, оттуда по его воле вырвался клин, пробивший массу пожирателя и растворившийся в нём. В проделанную дыру Юнона направила яркий луч белой звезды, к ядру, которым был первоначальный Данте, — тот пробудился и вспомнил. Вся масса пожирателя потрескалась и распалась на фрагменты.

Трое смогли усмирить его чудовищный голод. Фобос на тот момент размышлял о том, как избежать повторения, и не находил ответа. Знание, обретенное лично, стало неотделимой частью Данте. Но Фобос не сдавался, мастер хаоса продолжал размышлять над этим явлением.

Данте на время стал собой и вернулся в изначальный облик пустого небожителя, частицы Агантюа. Юнона спросила у него, чего бы он хотел, какая у него была мечта от начала первого знания. Данте всегда стремился оставаться у Агантюа и постигать вечность. Пока голод не взял над ним верх, он слышал мелодию вечности.

Данте: Тьма Агантюа... Это сравнимо лишь со смертными любовью матери и голодом каннибала. Я познал второе, но теперь начал слышать голос матери... Я хочу... Остаться подле неё навечно. Знание о Ничто, только так послужит во благо, а не разрушению красоты.

И тогда у Фобоса зародилась амбициозная идея. Сотворить символ вечности — не просто символ, а генезис знаний. Хозяин Хаоса и Посланник Вечности прозрели на великий архитектурный план, который принесёт благо для всего и всех. Их общее произведение, которое назвалось Атриум, или же Вечный Монолит Вечности, — так это великое позднее назвали люди, написавшие Астрономикон.

Данте одобрил план, ибо он того и желал: всегда быть рядом с Агантиа. Но желал, чтобы ему придали форму не звезды, а другую — нерушимую плиту, сотворённую из всего великолепия, которое он поглотил, и из обрётённого знания о Ничто, дабы слушать голос Агантиа, познавать и делиться её любовью.

Глава 6. Вечный Монолит

На периферии воронки тьмы, год за годом, цикл за циклом, возвышалась колоссальная плита, парящая у горизонта событий. Фобос в течение целой космической эры был в форме огромного спрута с сотнями щупалец и лап, бреши хаоса были открыты вокруг него, неподалёку от Агантюа. Свет Катарсиса успокаивал и освещал величайший акт сотворения. Тархаон извергал через бреши пурпурное пламя хаоса.

Даже незавершённый Атриум открыл заветную крупицу происхождения.

«Когда-то извечных духов было много, очень много. Миров, населённых разумными существами, как люди, было больше, а ещё существовала голодная раса архонтов. Они кружили вокруг живых миров, как слепни вокруг коров. И прежде всего им нравился мир людей, жемчужина древнего творения. Люди испытывают хаотичные чувства, которые привлекали архонтов. Сами они тоже обладали примитивным разумом: сущности те обманывали людей, заставляли их поклоняться себе, приносить жертвы, страдать, ощущать вину даже за сам факт своего бытия в бесконечном цикле. И вот однажды иерархия небожителей нашла Равахейм, извечные духи, небожители объявили искоренение всей той мерзкой расы. Грянула битва неба.»

Фобос: И что было дальше? Куда делся наш народ? Данте: Язык истока не терпит спешки. Но однажды, брат, мы с тобой раскроем эту тайну. Фобос: Да. Каждый должен найти своё место во вселенной — как я, так и ты.

Фобос был воплощением божественного мастера, или же архитектора. Последними словами изначального Данте стало:

— Я этого не забуду. Мастер над Хаосом. Никогда... Однажды я отплачу добродетелью за добродетель. Клянусь.

Все плоскости Атриума были идеально гладкими, без трещин, и местами с отблесками света, которые не преломлялись силой колыбели. Агантюа и Атриум, как мать и сын, делились добродетелью Юноны и своей собственной. Агантюа созерцала сама себя в Атриуме, а он открывал её знания — порой непостижимые и сложные для понимания. Данте желал олицетворять абсолютную точность, почти зеркальную. Фобос любил брата не меньше, чем всех остальных, и очень старался ради него.

Когда форма была завершена и небожитель пустоты уподобился гладкому, почти зеркальному монументу, парящему на периферии безвременья, Посланник Вечности был счастлив. Фобос исполнил его мечту, Данте обрёл смысл и цель своего бытия: слушать голос колыбели, обретать познания непостижимости. Чем больше протекало времени, тем больше на монолите появлялось символов — они наносились на монолит сами по себе, волей самого монолита. Язык света и тьмы. Харон нарёк первые Атриумские символы Вечнаречием. Владыка душ записывал клинопись в своём чертоге, который был неотделим от царства людей.

Данте, превращённый в великий монолит, стал своего рода центром разума, накопителем знаний из всего обозримого сущего и в первую очередь из колыбели истока. Атриум на свой лад даровал знания кому угодно и чему угодно, дабы каждое существо, поддающееся обучению, имело шанс обрести разум и просветление. А когда первые люди увидели это творение своими глазами, то это было воспринято как настоящее знамение: колоссальный монолит, величиной с целый мир, дан небу самими богами — что было недалеко от истины.

Миори и Небесный путь, уже будучи двумя столпами молодой Фарадонской империи, составили алфавит на этом божественном языке, но понять его значение могли немногие, избранные. Народы людей говорили на разных первобытных языках, но при идее единства, на основе Вечнаречия, праздные умы из Небесного пути изобрели Всеобщее наречие. Язык в несколько раз упрощённый по написанию и смыслу, и это было принято большинством первых

народов как единство и понимание для всех и каждого из людей. После чего начала образовываться идея о единой цивилизации — Фарадонской империи.

Харон видел, что в людях есть крупница запретного знания, что давало понять: они старше четверых.

Фобос: В них столько слепой веры. Угасшей... Архонтов больше нет, но они продолжают возносить хвалу непонятым именам. Их нужно вразумить... Мы обязаны. Они недостойны такой ужасной участи, невежества. Они прекрасны.

Харон: Они не так глупы, какими кажутся. Они знают о нас и продолжают умирать, их вера и души больше не топливо для тварей пустоты.

Фобос: Неизвестно, откуда они взялись. Ни одного пожирателя эмоций в Инэкте не замечалось.

Харон: Мы ничего не знаем, но однажды всё прояснится. Река душ приходит и уходит, они будут умирать столетие за столетием. Эпоха за эпохой.

Фобос: Они очень умные, их красоту и поток мысли нужно сохранить. Зачем им обречение забвения?

Харон: Бремя знаний слишком тяжело, чтобы нести его в следующий цикл плоти. Я это знал раньше. Видел это, а судя по тому, что мы все видели, каким проклятием бывают знания...

Фобос: Значит, рост... Без знаний?

Харон: Малодушные и великодушные. От мала до велика. Когда душа зреет, то и вместимость знаний зреет, а после и плоть её уже не вместит, и тогда душа становится небожителем. Младшим из нас.

Фобос: Значит, это благо.

Глава 7. Тархаон

Фобос многое осмыслил с тех пор, как закончил сотворение Атриума. Также он углубился в понимание измерения хаоса. Хаос — это два столпа, два главных компонента, которые должны находиться в равновесии: Энтропия Разрушения и Утопия Жизни. Вдыхая воздух обеими ноздрями, словно захватываешь оба компонента: энтропия разрушит накопленные в существе ошибки, а утопия вылечит творение, в чём бы оно ни воплощалось.

Измерение, которое Фобос однажды открыл, было похоже на место разлитых красок. Космическая, великолепная бескрайность, похожая на туманности, где тёмные цвета и светлые сосуществуют вместе, ожидая, чтобы ими воспользовались. Фобосу особенно понравились аквамариновые оттенки и тёмные чернила: вместе они олицетворяли вечное равновесие, красоту и искусство в высшем определении. А места таких сопряжений, энтропии и утопии, порождали фиолетовые оттенки — от мягко лиловых до тёмно-пурпурных тонов, в зависимости от концентрации, — то, что называлось энергией хаоса.

Фобос долго бороздил просторы подпространства хаоса, созерцая аквамариновые палитры Утопии, из которых исходила сила жизни и радости, присущая всему живому, так и сгустки Энтропии, похожие на разлитые в пространстве чернила. Хаос в своём многообразии олицетворял равновесие, красоту и добродетель, небесную кузницу, театр, трибуны.

И вот однажды, неспешно паря на мир-драконе, Фобос заметил, как его мысли начинали путаться, а позже начала наступать меланхолия — непонятное чувство, которое ушло давным-давно, но почему-то снова вернулось.

Фобос: Радость, куда она уходит? Что это такое? Это эхо знания о Ничто? Нет... Так не может быть... Это какой-то обман... Равнодушие, сменяющееся на тоску... Это не голод... Что за гнусная пустота внутри? Я об этом даже не думал... Сейчас... Нет, это что-то иное... Всё куда-то уходит...

Энергии Утопии в обозримом сущем становилось меньше, а пустоты больше. Фобос начал искать источник непонятной силы. И тут он обратил взор наверх, узрев туманную фигуру и множество тусклых глаз вдали. Это был Архонт. Фобос пришёл в ярость, ощутив едой самого себя. Его око вспыхнуло пурпурным, из его туловища отросло двенадцать конечностей, на которых вспыхнули огни. Тишина измерения хаоса прервалась.

Фобос: Я... Вижу... ТЕБЯ!!!

Мир-дракон Тархаон подчинился воле создателя: его пасть открылась, сила тысячи пурпурных звёзд вырвалась лучом в огромного и голодного архонта. Осколки его разлетелись в космической дали.

Фобос: Искусство красоты, вечности славы Инэкта и Хаоса... Творца, породившего всякий разум и священную материю.

В тот момент небожитель уяснил, почему пространство хаоса приняло его как разумное существо, а не как материал: энтропия не стремилась его разрушить. Фобос понял, что баланс хаоса был нарушен, о чём он раньше даже не догадывался. Как выяснилось, не только материальное небо Инэкта когда-то давно было отравлено присутствием архонтов, но даже и пространство хаоса: они питались энергией жизни. Фобос понял, что слова Данте о древней битве неба — чистая правда, судя по тому, что он увидел и испытал на себе. Предположил, что эти пожиратели владели ключом к измерению хаоса, а после поражения в Инэкте укрылись в измерении хаоса. Фобос в осознании этого изумился, когда осознал размеры древнего архонта и что, возможно, он сам является их потомком, раз хаотическая вселенная ему однажды открылась.

Фобос: Такой огромный, голодный... Но хрупкий и жалкий...

Когда архонт разлетелся на фрагменты, то высвободилась целая туманность — палитра всех цветов космической радуги, удерживаемая без согласия и даже чувства древних людей. Фобос не тронул освободившуюся благодать, решив, что такая красота священна.

Небожитель погасил пламя на своих конечностях и потянул их в направлении осколков. Тархаон, будучи симбиозом света, тьмы и хаоса, совершил всеобщее притяжение, куски архонта притянулись к его поверхности. Древнее чудовище уже давно было на последнем издыхании, его привлёк не Фобос. Мир-дракон испытывал подвиги великих чувств на фоне всего океана хаоса. Тархаон был сопоставим с несколькими человеческими мирами — целый паракосм разнообразных эмоций, чувств, радости и удовлетворения от своего бытия. Бог хаоса наблюдал за падающими архонтскими осколками. Кусок черепа, щупальце, шиповидные наросты. Глядя на древнюю материю, Фобос начал понимать, что их может быть больше чем один.

Фобос: Где вы прячетесь? Счас мы сыграем в игру.

Двенадцать рук владыки пришли в действие, творили божественные заклатья, и первым делом Фобос расщепил массивные осколки архонта. Собрал их в кружащуюся куб-голова, которую Фобос изобрёл в тот момент. Куб, медленно раздувающийся в шар, а после и в игольчатое нечто. Шестьдесят семь игл, тянущихся к горизонту, указывая на других представителей расы пожирателей. Некоторые иглы сходились вместе и расходились после, что давало понять об их движении, у других уменьшалась длина или, наоборот, увеличивалась.

Фобос ухмыльнулся, сотворил следующее заклатье. Тархаон издал клич счастья в обозримый горизонт хаоса, архонты услышали великую радость и сами устремились к дракону и его хозяину.

Фобос: Вот вы где... Птенчики... Укрылись здесь от наших предков... Космическая саранча, осквернившая равновесие...

Последнее заклатье Фобоса разбило архонтский конструкт: он сотворил круг с 67 точками внутри, огромную руну хаоса. Измерение хаоса было подобно живому организму, который понимал лишь Фобос, с момента как открыл его для себя, с момента как оно не растворило небожителя как материал, а приняло. Тархаон вновь изверг энергию из своей пасти, единый луч расщепился на 67 маленьких лучей, все они достигли последних представителей расы архонтов, летевших к Фобосу и Тархаону как мотыльки на огонь. Горизонт окрасился всевозможными красками, как только последние паразиты лопнули, как фрукты, освободив все украденные соки. Мастер над хаосом был доволен собой и своим творением.

— Если бы только остальные видели... Я сохраню фрагменты этих тварей как реликвии. Кто мы без нашей истории?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.